

Россия и Франция: 300 лет совместной истории

Малолетний Людовик XV на руках у Петра Великого. Версаль, 10 мая 1717 г.

«Восточный барьер»

Символическое начало установления русско-французских связей можно датировать достаточно точно. Это был 1051 г., когда одна из дочерей Ярослава Мудрого, Анна, была выдана замуж за Генриха I, короля Франции. Во французской истории до недавнего времени она была известна как Анна Русская. В результате суверенизации Украины в начале 1990-х годов французы, руководствуясь принципом политкорректности, переименовали Анну Русскую в Анну Киевскую (Anne de Kiev).

С середины XI в. в русско-французских контактах наступила пауза, затянувшаяся на 500 лет. Удаленность одной страны от другой,

особенно ошутимая при тогдашних средствах и путях сообщения, разделение христианской церкви в 1054 г. на римско-католическую и православную, монголо-татарское иго, почти на три столетия исключившее Русь из общеевропейской жизни, — все это затрудняло развитие отношений между Россией и Францией.

Двусторонние контакты постепенно начали восстанавливаться с конца XVI в. В 1629 г. кардинал Ришелье, первый министр Людовика XIII, озабоченный созданием антигабсбургской коалиции, направил в Москву посольство с целью заключить договор о союзе и торговле. В 1654 г. Алексей Михайлович, первым из рус-

ских царей осторожно пытавшийся вернуть свою страну в семью европейских народов, снарядил во Францию ответное посольство во главе с князем Константином Мачехиным и дьяком Андреем Богдановым. А в 1689 г. царской грамотой был разрешен свободный въезд и поселение в России, отличавшейся тогда закрытостью и религиозной нетерпимостью, французским протестантам (гугенотам), подвергавшимся преследованиям у себя на родине. Тем не менее вплоть до начала XVIII столетия отношения между Россией и Францией не носили постоянного или, как говорили когда-то дипломаты, регулярного характера. Да и впоследствии эти отношения нередко были отмечены периодами взаимного непонимания и даже отчуждения. Как это можно объяснить? И было ли

Черкасов Петр Петрович — главный научный сотрудник, руководитель Центра французских исторических исследований Института всеобщей истории РАН, кавалер ордена Академических Пальм (Франция), д-р ист. наук.

бу на континенте. Или отношения Франции с Испанией и Австрией времен Габсбургской империи. Что мы здесь видим? Двести пятьдесят лет (XVI — середины XVIII в.) ожесточенного противостояния. Наконец, более семи десятилетий борьбы Франции и Германии, начиная с Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Но все это в прошлом.

С началом реализации в 1950-е годы амбициозного европейского проекта его участниками постепенно, шаг за шагом были изжиты все старые, казавшиеся извечными и непреодолимыми антагонизмы и предрассудки. Вчерашние «исторические противники» — Англия, Испания и Германия стали ближайшими партнерами Франции в рамках Европейского союза.

История убедительно показывает: не бывает вечных врагов, как не бывает и вечных союзников. Даже, казалось бы, неизменные национально-государственные интересы, определяемые геополитическими факторами, могут менять приоритеты, что видно на примерах как России, так и Франции.

К тому же, и это представляется очень важным, независимо от всех перипетий, зачастую возникавших в официальных политических отношениях между Россией и Францией, постоянным, непреходящим оставался интерес к Франции в русском обществе, долгое время формировавшемся под влиянием французской цивилизации. Следует подчеркнуть, что российский правящий класс и интеллектуальная элита начиная с эпохи Просвещения всегда испытывали сильнейшее влияние французской культуры, можно сказать, воспитывались в ее лоне. Достаточно вспомнить, что французский язык для подавляющей массы русского дворянства, а потом и интеллигенции в течение полутора столетий был вторым наряду с русским. А русские

либералы и революционеры во многом заимствовали идеи и опыт политической борьбы у своих французских учителей.

Французское влияние проявлялось не только в заимствовании идей, научных знаний, модных веяний и даже образа жизни. Французы внесли непосредственный и весьма заметный вклад в русскую культуру: архитекторы Огюст (Август Августович) Монферран и Жан Батист Леблон, один из создателей парков Пе-

Притяжение России и Франции непреходяще, оно испытано тремя столетиями дипломатических, экономических и культурных связей.

тергофа, живописец Луи Каравак, один из основателей Российской академии художеств, скульптор Этьенн Морис Фальконе и др. Семейства Анжу, Барбот де-Марни, Вильбуа, Траверсе и Дандре дали России нескольких военачальников, флотоводцев, ученых. Герцог Арман Эмманюэль (Эммануил Осипович) Ришелье и граф Александр Луи Андро (Александр Федорович) Ланжерон были губернаторами Одессы и Новороссии; генерал Антуан Анри (Генрих Вениаминович) Жомини известен как крупный военный теоретик, а его сын Александр Генрихович как талантливый дипломат, правая рука канцлера князя А.М. Горчакова; Шарль-Андре (Карл Осипович) Поццо ди Борго, 20 лет представлявший Россию во Франции в качестве посла, наконец, блистательный Петипа (Мариус Иванович), создатель русского балета... Это лишь некоторые имена из длинного списка французов, отдавших свой талант служению России и укреплению русско-французских связей.

А в историю Франции вписаны имена княгини В.А. Оболенской, Анатолия Левицкого, Бориса Вильде и других героев французского Сопротивления. Выходцы

из России были среди сподвижников генерала де Голля в «Сражающейся Франции» — генерал Зинновий Пешков, генерал Андоленко, полковник Амилахвари и др. Наши соотечественники Марк Шагал и Рудольф Нуреев нашли во Франции свою вторую родину. Политическое, а в еще большей мере культурное притяжение России и Франции непреходяще, оно испытано тремя столетиями дипломатических, экономических и культурных связей. ■

ПЭС 10223/22.10.2010

Литература

1. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIII. Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902. С. IV.
2. Там же. С. IV–V.
3. Mémoires du duc de Saint-Simon. Paris, 1865. Т. 9. P. 225–226.
4. Грюнвальд К. Франко-русские союзы / Пер. с франц. М., 1968. С. 32.
5. Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 1. М., 1995. С. 30.
6. Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 289.
7. Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2001. С. 506.
8. Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 1. М., 1995. С. 6.
9. Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 9. М., 2009. С. 124–189.
10. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 53, 88.
11. Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 1. С. 7.
12. Борисов Ю.В. СССР и Франция: 60 лет дипломатических отношений. М., 1984. С. 111–113.
13. Обичкина Е. Три возраста российско-французских отношений // Экономические стратегии № 6 (80), 2010. С. 36–39.

это исключением в истории международных отношений?

«Ни естественные условия, ни политические стремления обоих государств, — писал по этому поводу известный дореволюционный правовед-международник профессор Ф.Ф. Мартенс, — не могли содействовать развитию между ними (Россией и Францией) правильно организованных международных сношений. По географическому своему положению оба государства были отделены друг от друга многими странами, препятствовавшими всяким непосредственным между ними сношениям. Для отрезанного от моря и замкнутого Московского государства Франция являлась страной, с которой почти невозможно было поддерживать постоянные торговые обороты и политические сношения. Для Франции Московское государство являлось дальней „Московией“, имеющей азиатские государственные порядки, законы и нравы» [1].

Конечно же, географическая отдаленность сама по себе не могла быть единственной причиной отсутствия взаимного интереса России и Франции друг к другу. Ведь поддерживала же Москва достаточно оживленные контакты с Лондоном, Гаагой и ганзейскими городами. Дело в том, что в случае с Францией география крайне неудачно переплелась с политикой. По крайней мере с XVI в. Россия и Франция традиционно придерживались диаметрально противоположных внешнеполитических ориентаций и союзов. Как справедливо заметил тот же Ф.Ф. Мартенс, «друзья Франции были заклятыми врагами России, и, наоборот, естественные враги Франции были ближайшими друзьями Московского государства» [2]. В первом случае речь шла о Швеции, Польше и Турции, а во втором — об Австрии и Англии.

Долговременные стратегические интересы России с давних пор

требовали выхода к Балтийскому и Черному морям, а «ключи» от этих морей находились в руках исторических союзников Франции — Швеции, Речи Посполитой и Оттоманской Порты, составивших так называемый восточный барьер, старательно воздвигавшийся со времен Франциска I, Генриха IV и кардинала Ришелье.

Приезд русского царя произвел настоящий фурор во французском обществе.

Созданный для противодействия гегемонистским притязаниям австрийских и испанских Габсбургов «восточный барьер» со временем приобретал и все более очевидную антироссийскую направленность. Постоянно наталкиваясь на сопротивление своих восточных соседей в продвижении к Балтийскому и Черному морям, Россия, сумевшая наладить отношения с Англией и Австрией, неизбежно входила в опосредованный конфликт с интересами Франции, заботившейся о сохранении «восточного барьера» в противоборстве с Лондоном и Веней.

«Русский мираж»

Первым, кто попытался разорвать этот порочный круг и найти взаимопонимание с версальским двором, был царь-реформатор Петр Великий. В 1717 г., на исходе Северной войны, он посетил Францию, где надеялся заручиться посредничеством в прекращении затянувшегося конфликта со Швецией. Приезд русского царя произвел настоящий фурор во французском обществе. «Можно было бы бесконечно много рассказывать об этом поистине великом царе, — писал герцог де Сен-Симон, знаменитый мемуарист той эпохи. — Его редкие и разнообразные таланты делают из него государя, достойного самого большого удивления, каковым он останется в памяти потомков... Такое мнение было единодушным во Франции, где на него смотрели,

как на чудо, и где им были очарованы» [3].

Герцог де Сен-Симон был одним из первых, кто начал формировать во французском общественном сознании то, что позднее назовут русским миражом — несколько идеализированное представление о России, а вернее,

о ее просвещенных правителях, начиная с царя-реформатора. Вслед за Сен-Симоном над созданием этого привлекательного образа будут трудиться Вольтер, Дидро, Даламбер и некоторые другие авторитетные просветители, получавшие (заметим в скобках) «пансионы» и иные формы материального поощрения от Екатерины II, продолжательницы дела Петра Великого. Впрочем, это уже другая тема, требующая специального рассмотрения. Можно лишь сказать, что «русский мираж» рассеяла революционная буря, начавшаяся в Париже в 1789 г. Последние иллюзии на этот счет исчезли во Франции с появлением книги маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», в которой он определил Россию как «царство фасадов».

Но вернемся к Петру и его официальному, как бы мы сейчас сказали, визиту во Францию. Именно тогда, в 1717 г., было принято решение об установлении регулярных дипломатических отношений между двумя странами. Первым официальным представителем России во Франции в ранге полномочного министра в августе 1717 г. был назначен барон Ганс-Христофор Шлейниц. В сентябре 1720 г. его сменил в ранге посла князь Василий Лукич Долгоруков. Францию в новой столице Российской империи Санкт-Петербурге с 1717 г. представлял маршал де Тессе, а с осени

1721 г. — опытнейший дипломат Ж. Кампредон.

4 (15) августа 1717 г. вскоре после отъезда Петра из Франции был заключен первый двусторонний союзный договор, ускоривший окончание Северной войны. Посредником в мирных переговорах со шведами успешно выступил Кампредон, который стал почетным гостем на торжествах в Петербурге (ноябрь 1721 г.) по случаю заключения Ништадтского

Курс Петра III на форсированное сближение с Пруссией вызвал болезненную реакцию в Версале.

мира, когда Петр I принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского.

Участие Франции в мирном завершении Северной войны отвечало и ее собственным интересам прежде всего из-за ощутимого падения французского влияния после унижающего для Франции Утрехтского договора 1713 г., завершившего войну за так называемое испанское наследство. «Франция, — отмечал французский историк Константин Грюнвальд, — значительно подняла свой престиж, с успехом выступив в роли посредника между северными государствами и заменив в своей системе союзов побежденную Швецию победившей Россией. В новой русской империи перед ней открывались многообещающие перспективы развития торговли и культурных отношений, и русские не повинны в том, что Франция не сумела воспользоваться этим» [4].

Действительно, после заключения в 1717 г. союзного договора и окончания в 1721 г. Северной войны можно было ожидать дальнейшего сближения между Россией и Францией, но этого не произошло, несмотря на постоянно выражавшуюся готовность Петра к широкому сотрудничеству с Францией. Намерение Петра

скрепить политический союз с Францией династическим браком между его дочерью Елизаветой и юным Людовиком XV было встречено в Версале с холодным равнодушием. Там откровенно намекали на сомнительное происхождение матери русской невесты Марты Скавронской, то есть императрицы Екатерины. Петр ожидал от версальского двора официального признания своего императорского титула и натолкнулся на вежливый, но твердый отказ.

Когда Петр предложил регенту Франции герцогу Орлеанскому разделить с ним влияние, которое Россия приобрела в Польше, регент проигнорировал это предложение, дав понять, что рассматривает русское «присутствие» в Польше как временное. Петр надеялся на приток необходимых его стране специалистов из Франции, но в Версале были безучастны к нуждам и потребностям царя-реформатора и не склонны были поощрять «утечку умов» в Россию. Да и само неожиданное появление на востоке Европы амбициозной Российской империи в Версале встретили по меньшей мере настороженно. Со временем эта настороженность стала перерастать в недоверие, смешанное со страхом и даже враждебностью. В окружении юного Людовика XV усиливалось влияние противников сближения с Россией, особенно после смерти Петра Великого.

Екатерина I пыталась спасти союз с Францией. В секретной инструкции своему послу в Париже князю Б.И. Куракину она подчеркивала: «...Мы никогда не намерены с какой бы то ни было державой вступить в обязательство, которые интересам французским или против Франции быть могли, пока Франция взаимно таким же образом поступать будет. Вы можете о сем намерении француз-

ский двор накрепчайше обнадеть» [5].

Упущенные возможности

Добрая воля, последовательно проявляемая Россией в отношении Франции, не нашла должного понимания в Версале. Все предложения о развитии сотрудничества, включая заключение нового торгового договора, были отвергнуты. России ничего не оставалось, как принять настойчивое предложение Австрии о заключении союзного договора, который был подписан в августе 1726 г. С этого времени российско-французские отношения вступили в полосу взаимного отчуждения, продолжавшегося до начала Семилетней войны (1756–1763 гг.).

«Дипломатическая революция 1756 года», сопровождавшаяся радикальными переменами в системе европейских международных отношений, когда вчерашние противники и союзники неожиданно поменялись местами, привела к новому сближению России и Франции на почве противостояния территориальным притязаниям Пруссии и тогдашней ее английской союзницы, вознамерившейся отобрать у Франции колониальную империю. Россия и Франция становятся военными союзниками.

Однако и этот союз оказался недолговечным. Смерть в январе 1762 г. императрицы Елизаветы Петровны, несостоявшейся невесты Людовика XV, и вступление на престол Петра III, страстного почитателя «скоропостижного», как его называли в Петербурге, короля Пруссии Фридриха II, имели следствием выход России из войны и односторонний отказ от союзнических обязательств в отношении Франции (и Австрии). Курс Петра III на форсированное сближение с Пруссией вызвал болезненную реакцию в Версале. В отношениях между Россией и Францией начался новый период отчуждения. Он продол-

жился и с воцарением в результате дворцового переворота в июле 1762 г. Екатерины II, ориентировавшейся на сближение с Англией.

Прохладным, если не сказать больше, российско-французским отношениям в период правления Екатерины II со своей стороны активно способствовал Людовик XV, подверженный устойчивой русофобии. Наставляя своего посланника в Петербурге барона де Бретейля, король в секретной инструкции от 10 сентября 1762 г. подчеркивал: «...Я повторяю предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел... Все, что может погрузить русский народ в хаос и прежнюю тьму, выгодно для моих интересов» [6]. Екатерина II имела все основания полагать, что именно французская дипломатия поощряет антироссийские настроения в Швеции, Польше и Турции. «Французский след» обнаружился даже в пугачевском бунте: оказалось, что в повстанческой армии «маркиза Пугачева» находились отдельные французские офицеры-инструкторы. Все это долгое время не могло способствовать успешному развитию российско-французских отношений.

Тенденция к их нормализации наметилась лишь с воцарением в 1774 г. Людовика XVI, свободного от русофобских настроений своего предшественника. Но потребовалось еще более десятилетия, прежде чем Екатерина II поверила в искренность намерений молодого короля Франции. С включением Крыма в состав России в 1783 г. открывались широкие перспективы для налаживания прямой торговли между Россией и Францией через Черное и Средиземное моря, чем пытались воспользоваться Екатерина II и Людовик XVI. В январе 1787 г. в Петербурге был подписан взаимовыгодный «трактат дружбы, торговли и навигации». Договор открывал возможности и для

развития двустороннего политического диалога, но начавшаяся 14 июля 1789 г. во Франции революция сделала его невозможным.

С самого начала отношение Екатерины к революции во Франции, разумеется, было резко отрицательным, а по ходу дела, когда со всей силой проявились свойственные всякой революции жестокости, когда были казнены Людовик XVI и Мария-Антуанетта, русская императрица прониклась к «жакобинам» нескрываемым отвращением и ненавистью, что, впрочем, нисколько не помutilо ее политический разум. В отличие от других европейских монархов она воздержалась от участия в военной интервенции против революционной Франции, мудро уповав на то, что в Париже неизбежно явится новый Цезарь, который усмирит взбунтовавшихся галлов. «Когда же придет новый Цезарь? О, он придет, не сомневайтесь, он появится», — убежденно писала Екатерина в январе 1791 г. писателю-просветителю Мельхиору Гриму [7]. Пройдет всего девять лет, и генерал Бонапарт поставит точку в истории Французской революции.

Здесь же важно отметить, что Екатерина после 1789 г. предоставила убежище тысячам беженцев из Франции, спасавшихся от революционного террора. Многие из них обретут в России свою вторую родину. Пройдет 100 с небольшим лет, и Франция со своей стороны примет десятки тысяч русских, бежавших от большевистской диктатуры.

Последней из европейских держав Россия, уже при Павле I, обратит свое оружие против Франции, да и то за пределами французской национальной территории — на Ионических островах, в Италии и Швейцарии. Русский солдат ступил на землю Франции только в 1814 г., после того как Россия пережила агрессию Наполеона, нанесшую ей величайший ущерб.

Если и случается одному народу испытывать какие-то предубеждения в отношении другого, то ничего подобного нельзя было сказать об отношении русских к французам, даже после того как маршал Мортье наполовину разрушил Московский Кремль. Не было этого ни в 1812, ни в 1814 г.

Встреча Александра I и Наполеона на Немане 23 июня 1807 г.

«Кто знает, быть может, разумно устроенная республика больше бы соответствовала духу французов?»

Когда после отречения Наполеона роялисты, сторонники Бурбонов, при поддержке Австрии и Пруссии вознамерились восстановить во Франции старый порядок, именно российский император Александр I настоял на принятии в июне 1814 г. конституционной Хартии, закрепившей многие завоевания революции. «Кто знает, — говорил Александр, — быть может, разумно устроенная республика больше бы соответствовала духу французов? Ведь не могли же идеи свободы, так долго зревшие в этой стране, не оставить следа! Я — друг французского народа, — признавался он. — Было бы справедливо и мудро дать Франции сильные и либеральные институты» [8].

Идеи свободы, зародившиеся на земле Франции в 1789 г., проникли и в Россию. С одной стороны, прямым следствием Французской революции и наполеоновских войн стало распространение либерально-конституционных и революционных идей в России. В 1825 г. декабристы, многие из которых побывали в 1814 г. во Франции, впервые открыто выступили против самодержавия. С другой стороны, на парижских баррикадах в июле 1830 г. и в феврале 1848 г. можно было встретить русских, сражавшихся за свободу во Франции.

Что касается официальных двусторонних отношений после крушения наполеоновской империи, то они были, можно сказать, безоблачными до тех самых пор, пока на восстановленном стараниями победителей французском троне находились Бурбоны (Людовик XVIII и Карл X), послушно следовавшие в фарватере политики, проводимой государствами Священного союза — Россией, Австрией и Пруссией.

Парижские баррикады. 1830 г.

Революция 1830 г., свергнувшая режим Реставрации, привела к резкому обострению отношений между Россией и Францией. Николай I поначалу даже подумывал, не двинуть ли армию на восставший Париж, но вовремя одумался. Однако его отношение к «фальшивой», как он ее называл, Июльской монархии и ее «королю-гражданину» Луи Филиппу всегда было резко отрицательным. Охлаждению в российско-французских отношениях во многом способствовал и злополучный «польский вопрос». Франция традиционно поддерживала устремления поляков к восстановлению национальной независимости и государственности, что всегда было камнем преткновения в российско-французских отношениях.

Когда в ноябре 1830 г. под непосредственным влиянием Июльской революции во Франции поляки подняли восстание против русского господства, французское общество в подавляющем большинстве поддержало их. По Парижу прокатилась волна демонстраций под лозунгами: «Долой русских! Да здравствует Польша!» Когда восстание было подавлено, более пяти тысяч его участников с семьями нашли убежище во Франции, где развернули широкую антироссийскую кампа-

нию. Все это, понятно, не способствовало успешному развитию отношений между Парижем и Петербургом.

Падение либеральной Июльской монархии в феврале 1848 г. как будто давало шанс на их улучшение, но последующая внутренняя нестабильность во Франции не позволила его реализовать. Самые серьезные опасения в Петербурге вызвало провозглашение во Франции в декабре 1852 г. бонапартистской Второй империи во главе с Наполеоном III, племянником великого императора. Надо признать, Николай I проявил очевидную недалекость, отвергнув все попытки Наполеона III, предпринимавшиеся с 1847 г., когда Луи Наполеон был еще политическим беженцем в Англии, наладить хорошие отношения с Россией [9].

Непримиримость российского императора, его откровенно оскорбительное отношение к «выскачке» способствовали опасному обострению противоречий двух стран на Востоке и в конечном итоге привели к военной конфронтации России и Франции в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Кто знает, быть может, в сентябре 1855 г., когда французский триколор был водружен на

разрушенных бастионах Севастополя, молодой император Александр II досадовал на то, что его покойный отец так упорно отвергал предложенную ему Наполеоном III дружбу.

Сам Александр обнаружил больше здравого смысла, сумев уже на завершающей стадии Крымской войны найти общий язык с Наполеоном, который взял курс на примирение и развитие тесного сотрудничества с Россией. Разумеется, «император французов» действовал не из чистого альтруизма или русофильских побуждений. В России он видел влиятельного союзника в его игре против Австрии, а также противовес чрезмерно усилившейся Англии. Русско-французское сближение начиная с 1856 г. развивалось по нарастающей. Дело шло к военно-политическому союзу, но, как это уже бывало в прошлом, на пути этого союза вновь встал злополучный «польский вопрос». Восстание 1863 г. в Польше, в очередной раз подавленное русскими войсками, побудило Наполеона III, который всегда был чуток к общественным настроениям в своей стране (а они были исключительно полонофильскими) проявить солидарность с восставшими поляками. Решение вопроса о воен-

но-политическом союзе с Россией было отложено почти на три десятилетия.

Тем временем в Париже все отчетливее стали сознавать растущую угрозу со стороны набирающей силу Пруссии. Потерпев сокрушительное поражение во Франко-прусской войне 1870–1871 гг., Франция лишилась Эльза-

Если в истории российско-французских отношений и существовал «золотой век», то это, безусловно, период с конца 1880-х годов до октября 1917 года.

са и Лотарингии и была обложена контрибуцией. Война с Пруссией, в одночасье превратившейся в Германскую империю, привела к падению бонапартистского режима во Франции, где установился республиканский строй (Третья республика). В этот тяжелый для униженной страны период новые французские руководители-республиканцы смогли найти поддержку лишь у самодержавной России. Именно Александр II, которого принято считать германофилом, заставил победившую Пруссию сократить сумму грабительской контрибуции с 6 до 5 млрд франков. После

1871 г. Александр II и канцлер князь А.М. Горчаков неоднократно официально подчеркивали, что Европе нужна «сильная и мудрая Франция». Когда в 1875 г. Германия пригрозила новой войной, именно Россия без колебаний встала на сторону все еще слабой и беззащитной Франции, чем отвела от нее военную угрозу. Царь заявил тогда французскому послу

генералу Лефлю: «Если бы Германия все же начала кампанию без причин или по ложному предлогу, то она оказалась бы перед лицом Европы в таком же положении, как Бонапарт в 1870 году. Не тревожьтесь, мой дорогой генерал, успокойте ваше правительство, — ободрял Александр дипломата, — у наших обеих стран общие интересы» [10].

Мост Александра III

Эта общность интересов, несмотря на очевидную идеологическую несовместимость самодержавной Российской империи и парламентской Третьей республики, привела к военно-политическому союзу между ними, оформленному в 1891 г. Этот союз просуществовал вплоть до октября 1917 г. и долгое время служил одним из механизмов поддержания равновесия в Европе. Прекрасным символом этого союза и по сей день остается мост Александра III, заложенный в 1896 г. в присутствии Николая II и Александры Федоровны. Он был открыт в 1900 г. Если в истории российско-французских отношений и существовал «золотой век», то это, безусловно, период с конца 1880-х годов до октября 1917 г. Это время совпало с невиданным прежде экономическим скачком России, который произошел во многом благодаря обильному притоку в нашу страну французских капиталов.

Париж, мост Александра III. Художник Андрей Гук

Прочность русско-французского союза была проверена не только двумя десятилетиями мира, но и тремя годами Первой мировой войны. Самоотверженные действия русских армий в Восточной Пруссии в августе 1914 г. помогли французам выстоять и победить в сражении на Марне (во Франции это сражение называют «чудом на Марне»), что признавали сами французские политики. Один из них, Эдуард Эррио, говорил в парламенте в 1925 г.: «Если бы в начале войны, когда немцы были в нескольких километрах от столицы, Россия с большим мужеством не бросилась бы на Восточную Пруссию, кто может сказать, что случилось бы с Парижем» [11].

Наступление генерала А.А. Брусилова в Галиции летом 1916 г., безусловно, способствовало победе французов под Верденом, откуда германское командование вынуждено было срочно перебросить крупные силы на Восточный фронт. Участие в боевых действиях на Западном фронте Русского экспедиционного корпуса, сфор-

мированного по просьбе французского правительства в 1916 г., внесло свой, пусть и скромный, вклад в общую победу. В 2010 г. в предместье г. Реймса был открыт памятник солдатам и офицерам Русского экспедиционного корпуса. Русские волонтеры общей численностью 4000 человек с осени 1914 г. воевали на стороне Франции и в составе французского Иностранного легиона. Более 1500 из них погибли в боях.

Тесное военно-политическое сотрудничество между Россией и Францией продолжалось и после Февральской революции 1917 г., и лишь большевистский переворот положил ему конец.

Франция — СССР

В феврале 1918 г. был принят декрет Совнаркома об аннулировании всех долгов прежнего российского правительства, включая иностранные займы, подавляющая часть которых была предоставлена Францией, сыгравшей, как уже говорилось,

немаловажную роль в индустриализации России на рубеже XIX–XX вв. Этим неоправданным актом был подорван престиж России и одновременно причинен материальный ущерб многим тысячам французов — держателям русских ценных бумаг. Аннулирование «царских долгов» и национализация французской собственности в России нанесли сокрушительный удар по российско-французским отношениям, которые с установлением советской власти вошли в период конфронтации, отмеченной даже во-

енными действиями в ходе Гражданской войны. В результате притеснений и преследований Россию вынуждены были навсегда покинуть тысячи французов, работавших на ее благо (в одной только Москве перед 1917 г. проживало более 3 тыс. французов; в 1919 г. их осталось менее 300 человек).

Спровоцированное действиями большевистского режима новое отчуждение между Россией и Францией несколько сгладилось дипломатическим признанием СССР в 1924 г., на которое пошло левоцентристское правительство Эдуарда Эррио. На советско-французские отношения негативно влияло множество факторов, в частности довольно бесцеремонная активность Коминтерна, успешно подрывавшего буржуазно-парламентские устои уважаемой Третьей республики, а также наличие во Франции многочисленной (примерно 100 тыс. человек) русской белой эмиграции, нашедшей приют на французской земле.

Лишь возникновение потенциальной военной угрозы в лице нацистской Германии побудило обе страны вспомнить, что когда-то они были союзниками, и в интересах национальной безопасности вновь пойти на сближение, несмотря на идеологическое взаимонеприятие. Еще в ноябре 1932 г., буквально накануне прихода Гитлера к власти, правительство Э. Эррио заключило с СССР договор о ненападении, что существенно поправило неблагоприятное состояние советско-французских отношений.

После победы нацизма в Германии важную роль в сближении Парижа с Москвой сыграл французский министр иностранных дел Луи Барту, активно способствовавший принятию Советского Союза в Лигу наций в октябре 1934 г.

Николай II у гробницы Наполеона. 1896 г.

2 мая 1935 г. в Париже был подписан советско-французский договор о взаимопомощи, который мог бы стать важнейшим элементом системы европейской безопасности. К сожалению, по разным причинам договор не был реализован и не смог предотвратить возникновение в самом центре Европы очага Второй мировой войны. Ответственность за это лежит как на французском правительстве, избравшем вместе с Лондоном губительную политику «умиротворения» агрессора, так и на сталинском руководстве СССР, взявшем в итоге курс на сближение с гитлеровской Германией. В результате к началу Второй мировой войны СССР и Франция оказались в противоположных коалициях, хотя формально Сталин не был союзником Гитлера.

Летчики эскадрильи «Нормандия-Неман» с маршрутом предстоящего боевого полета

Символом боевого братства была французская авиационная эскадрилья «Нормандия», а с августа 1943 г. авиаполк «Нормандия-Неман».

Против общего врага

Новая страница в отношениях Франции и СССР была открыта после нападения Германии на СССР в июне 1941 г., когда в Москве решили признать патриотическое движение «Сражающаяся Франция» и генерала Шарля де Голля как беспорного главу французского Сопротивления. Россия (СССР) и Франция вновь, как и в 1914 г., стали военными союзниками. Символом боевого братства была французская авиационная эскадрилья «Нормандия», а с августа 1943 г. авиаполк «Нормандия-Неман», который прошел славный боевой путь от Москвы до Восточной Пруссии. На счету французских летчиков 5300 вылетов, 869 воздушных боев, 208 сбитых самолетов. 117 французских авиаторов были удостоены советских государственных наград за воинское мужество.

Со своей стороны и советские люди (военнопленные, бежавшие из лагерей) вносили свой вклад в победу, сражаясь на оккупированной территории Франции в рядах французского Сопротивления. Они объединялись в партизанские отряды и батальоны. За 18 месяцев боевых действий они уничтожили 3500 оккупантов. В 1943–1944 гг. ими были уничтожены или повреждены 65 эшелонов, 76 паровозов, более 1000 вагонов, автомашин с вооружением, 9 электро- и 90 телеграфно-телефонных линий, 3 крупных моста; они захватили более 100 автомобилей противника, 850 автоматов, 36 пулеметов, 14 минометов [12].

Новой основой отношений между СССР и Францией стал договор о союзе и взаимной помощи, подписанный в ходе визита генерала де Голля в Москву в декабре 1944 г.

Между холодной войной и разрядкой

К сожалению, и этот договор оказался недолговечным. Вскоре после окончания Второй мировой войны началась холодная война. Европа была расколота на два противостоящих военно-политических блока. СССР и Франция, как и в 1939 г., оказались по разные стороны. В 1955 г. правительство СССР в одностороннем порядке денонсировало советско-французский союзный договор, после того как французский парламент ратифицировал Парижские соглашения 1954 г. о Западноевропейском союзе, куда была принята ФРГ. Идеологические предубеждения поборников холодной войны по обе стороны «железного занавеса» взяли верх над подлинными национальными и общеевропейскими интересами.

Франко-советский диалог возобновился лишь в 1960-е годы. Следует признать, что этому способствовало осложнение франко-американских отношений из-за войны США во Вьетнаме, которую не одобрял президент Пятой республики генерал Шарль де Голль.

Советское руководство попыталось воспользоваться этими противоречиями для достижения своих внешнеполитических целей и пошло на сближение с Францией.

Летом 1966 г. СССР во второй раз (после 1944 г.) посетил Шарль де Голль. Он стал подлинным «пионером Запада» в проведении политики разрядки с Востоком. С этого памятного события советско-французские отношения, вплоть до вторжения «ограниченного контингента» Советской армии в Афганистан в конце 1979 г., развивались в целом благоприятно, несмотря на сохранявшуюся идеологическую несовместимость двух режимов и существ-

Президент Франции Шарль де Голль в сопровождении министра иностранных дел Французской Республики Мориса Кув де Мюрвиля. Посещение Байконура 25–26 июня 1966 г.

История убедительно показывает: не бывает вечных врагов, как не бывает и вечных союзников.

венные противоречия по ряду вопросов. Правовой основой этих отношений стал документ под названием «Принципы сотрудничества между СССР и Францией», подписанный в Елисейском дворце в Париже руководителями двух стран 30 октября 1971 г.

«Принципы сотрудничества» определили характер и конкретные формы политических, торгово-экономических, научно-технических и культурных отношений СССР и Франции. Руководители двух стран сыграли важную роль в подготовке и подписании в 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. С конца 1960-х годов между двумя странами было налажено тесное экономическое и научно-техническое сотрудничество, затронувшее, в частности, такие важные сферы, как энергетика, включая мирный атом, и освоение космоса. С 1 октября 1967 г. одновременно в СССР и Франции начались цветные телепередачи на основе французской системы цветного телевидения SEKAM.

С большим интересом отнеслись в Париже к попытке обновления советского режима и придания «человеческого» облика так называемому развитому социализму, предпринятой М.С. Горбачевым в рамках провозглашенной им политики перестройки. В это время президент Франции Франсуа Миттеран приезжал с визитами в Москву, а Михаил Горбачев — в Париж. В октябре 1990 г. СССР и Франция заключили договор о согласии и сотрудничестве, определявший новые параметры тесного взаимодействия двух стран.

Крушение коммунистического режима в Москве в результате августовского путча 1991 г. и последующий распад СССР стали полной неожиданностью для французских руководителей. Поначалу это вызвало у них серьезную обеспокоенность за сохранение с таким трудом достигнутого равновесия в Европе. Так или иначе, но с 1992 г. начался принципиально новый этап в отношениях России и Франции [13]. Из этих отношений навсегда, будем надеяться,

ушла идеологическая составляющая, как ушли многие порожденные ею неблагоприятные факторы. В то же время, и это естественно, появляются новые проблемы и вопросы, которые предстоит решать руководству двух наших стран. Хотелось бы надеяться, что накопленный исторический багаж не будет в этом деле бесполезным и тем более обременительным.

Краткий обзор российско-французских отношений за последние 300 лет показывает, что в них постоянно присутствовали и противоборствовали две тенденции — сближения и отчуждения. На разных этапах преобладала то одна из них, то другая. На первый взгляд может показаться, что отчуждение явно превалировало. И действительно, за истекшие 300 лет с трудом можно насчитать шесть-семь десятилетий относительно безоблачных отношений. Но ведь во внешней политике Франции, как, впрочем, и России, данное обстоятельство не составляло исключения. Возьмем, например, франко-английские отношения. Сначала Столетняя война (1337–1453 гг.), затем морское и колониальное соперничество (почти весь XVIII в.), переросшее при Наполеоне в борь-